

Поздняя весна в Мира Людей, и на небесах собираются все бессмертные.

Это было в третьем или четвёртом месяце года в Мира Людей: лёгкий верочек приносил с собой толику тепла, а горные цветы пышно цвели на многие ли вокруг. В это же время наступал день, когда в Императорском Дворце Божественного Управления Небесного мира собирались все небожители.

Ди Цзюнь с Девяти Небес благоволил лишь к этому Императорскому Дворцу Божественного Управления, и его пейзажи все целиком зависели от вкусов самого Ди Цзюня. Поэтому через определённые промежутки времени виды внутри менялись, и всякий раз, когда гости прибывали сюда, открывали для себя всё новые и новые диковинки.

Тогда Императорский Дворец Божественного Управления был полон весеннего оживления. Повсюду вдоль дорог виднелись диковинные птицы и редкие цветы, а тысячи разновидностей древних диких деревьев росли, цепляясь за горы, распуская ветви и раскидывая листья. Они отбрасывали тень на гладкую водную поверхность дворца, а стоило подойти ближе к пруду, как внизу безмятежно резвились парчовые карпы, в то время как тысячелетняя бессмертная черепаха замерла у берега, тихонько наблюдая за ними. Ее глазки-бусинки были едва прищурены, и она не обращала никакого внимания ни на кого, кто проходил мимо.

Ди Цзюнь в последнее время проникся немалым интересом к пейзажам южнокитайских земель Мира Людей, поэтому в Саду Шэньюй появилось множество мостиков из камня и бегущих ручьев. На фоне бескрайней зелени это отрезанное от мира место, если не считать отсутствия суеты обычных людей, поистине обладало немалым сходством с цзяннаньскими пейзажами Мира Людей.

Как только наставал назначенный час, облаченные в золотые доспехи Воинственные Боги с алебардами в руках и плетеными хлыстами выстраивались в ряд за пределами Сада Шэньюй. У Южных Небесных Врат раскатывались удары барабанов, содрогая самую высь небес, и издалека можно было разглядеть великих и малых бессмертных: кто верхом на мече, кто плывя на облаках, а кто восседая на божественных созданиях, во всей красе являя свои чудеса и изящно приближаясь.

У входа в Императорский Дворец Божественного Управления стояли два бессмертных отрока — один слева, другой справа — и с улыбками на лицах приветствовали гостей. Бессмертные один за другим по собственной воле спешили со своих ездовых животных и продолжали путь пешком.

— Почтительно приветствуем Божественных Генералов Восьми Сторон Света!

— Почтительно приветствуем Фею Ста Цветов!

— Почтительно приветствуем Северного Бессмертного Владыку!

.....

Бессмертные прибывали один за другим, и вскоре людей у входа стало заметно меньше. Отроки встречали гостей уже довольно долго, но теперь никто не шёл, и им на мгновение стало скучно. К тому же юные бессмертные отличались непостоянным нравом и страшно любили проказничать, поэтому, продолжая нести стражу у входа, они вдвоём обогнули гигантское древнее дерево позади ворот и принялись играть в прятки.

Когда Юэ Лао появился с опозданием и приподнял взгляд, он сразу же заметил этих двух мальчишек, пренебрегающих своими обязанностями:

— Кхе-кхе...

Услышав звук, оба отрока высунули головы из-за дерева — один слева, другой справа. Увидев гостя, они расплылись в улыбках и тут же подбежали ближе, хором задрав головы и звонкими голосами выпалив:

— А вот и Юэ Лао!

Юэ Лао погладил бороду и попытался напугать их строгим тоном:

— Вы, сорванцы, как следует не охраняете ворота! Если Ди Цзюнь прибудет и не застанет вас на месте, берегитесь наказания!

Услышав это, отроки переглянулись и рассмеялись ещё веселее, в один голос ответив:

— Ничего страшного, Ди Цзюнь уже давно здесь, сидит внутри.

Юэ Лао:

Юэ Лао чувствовал себя донельзя неловко, а кроме того, считал, что опаздывать в таком преклонном возрасте крайне неприлично. Поэтому, не говоря больше ни слова, он утер пот и в спешке побежал вглубь сада.

Лишь когда силуэт Юэ Лао скрылся из виду, оба отрока фыркнули и одновременно зажав животы, покатались со смеху.

Ди Цзюнь? Ди Цзюнь, пожалуй, только-только был на пути сюда.

Пока они веселились, до их слуха вдруг донесся легкий звук шагов.

Они обернулись и увидели белоснежного бессмертного оленя: его четыре копыта ступали по мягкой траве, а уверенная поступь была легкой и изящной. Наклонив голову и распахнув мягкие, влажные глаза, он неторопливо приближался, озираясь по сторонам.

Чистокровные бессмертные олени и без того встречались редко, но у этого не было ни единого изъяна в окрасе шерсти, а еще больше привлекала пара его почти прозрачных больших рогов. Издалека они казались кристально чистыми и хрупкими, словно в сказочном мираже.

Олень тоже заметил их, сделал еще пару шагов ближе, замедлил ход и остановился. Склонив голову набок, он разглядывал двух отроков; его длинные белоснежные ресницы выглядели так, будто на них осели иней и снег. Олень моргнул пару раз, выглядя необыкновенно послушным.

Отроки, видя кроткий нрав зверя, были просто очарованы. Только благодаря их малому росту они сдержались и не бросились его гладить: этот бессмертный олень возвышался над ними на целую голову, и стоило ему подойти вплотную и посмотреть на них сверху вниз, как они ощущали легкое давление.

Однако сам олень совершенно этого не осознавал, продолжая пристально смотреть на них влажными глазами. Он неспешно переступил с ноги на ногу, приподнял копыто и подался еще немного вперед.

— До чего же он красивый, — подумал один из отроков, мысленно умиляясь и гадая, чьим же питомцем является этот Божественный Зверь. Он уже собирался протянуть руку и погладить зверя, но не успел коснуться его шеи, как его старший брат рядом словно опомнился, схватил младшего за руку и резко дернул назад, отступая вместе с ним на шаг.

Младший отрок был ошеломлен, совершенно не понимая, что это вдруг нашло на брата, и в недоумении спросил:

— В чем дело? Если я его просто поглажу, вряд ли что-то случится, верно?

Олень тоже склонил голову набок и посмотрел на старшего:

— ...?

Старший нахмурился и тихо произвел:

— Перестань глумиться, я вспомнил, чей это бессмертный олень.

Услышав это, младший тоже перешел на шепот:

— А? И чей же?

Брат ничего не ответил; лицо его вдруг стало суровым, и он уставился на человека, шагавшего позади оленя. Младший проследил за его взглядом и тоже мгновенно умолк, почтительно застыв на месте.

Пришелец был облачен в длинные одежды цвета поблекшего цин, черные волосы рассыпались по плечам. Руки его были пусты, а одежды и волосы развевались на ветру — на нем не было видно ни единого артефакта, и он больше походил на человека, вышедшего на неспешную прогулку.

Олень что-то почувствовал, крутанулся на месте и, завидев хозяина, радостно фыркнул, после чего неторопливо зашагал ему навстречу.

Когда тот приблизился, оба отрока выпрямились на некотором расстоянии и чинно поприветствовали гостя:

— Почтительно приветствуем Чуньшань Цзюня.

Чуньшань Цзюнь протянул руку и погладил оленя, а его равнодушный взгляд скользнул по отрокам. Он извечно был скуп на эмоции, а потому в такой момент лишь прохладно обронил:

— Мм, — и продолжил неспешный путь вглубь сада. Зато следовавший за ним бессмертный олень, проходя мимо отроков, притормозил, опустил шею и приблизился к одному из них, издав едва слышное фырканье.

Если бы они минуту назад не узнали, чей это олень, отроки давно бы протянули руки. Но теперь, зная, что это питомец того самого беспристрастного Чуньшань Цзюня, как бы мил он ни был, они бы до смерти не осмелились потревожить и единой шерстинки на его шкуре.

Они так и застыли на месте: протянуть руку было нельзя, а прогнать зверя — тем тем более. С одной стороны, они трепетали от умиления при виде этого оленя, с другой — совершенно не представляли, как поступить.

К счастью, в этот момент подал голос сам хозяин. Чуньшань Цзюнь шел спиной к ним и, не услышав шагов оленя, окликнул его на ходу:

— Таюнь, иди сюда.

Бессмертный олень Таюнь моргнул, перевел взгляд с удаляющейся спины Чуньшань Цзюня на двух отроков, склонил голову, отступил на два шага назад и тихо фыркнул, после чего с неохотой поспешил догонять своего господина.

Оба отрока синхронно шумно выдохнули — они никак не ожидали, что очарование может нести в себе столь мощное давление.

Младший хлопнул себя по груди:

— О небеса, неужто это был Чуньшань Цзюнь? Тот самый..... с острова Яньлань?

— Он называется Остров Яньлань, — вздохнул и старший. — Раньше он никогда не посещал эти сборища, благо мне довелось увидеть его однажды. А этого оленя зовут Таюнь, и он — сокровище Острова Яньлань. Неужто ты думал, что каждый встречный может его гладить?

— Разве он так страшен? Мне не показалось, что Чуньшань Цзюнь лют или свиреп, да и лицом хорош...

— Лицом хорош? Чуньшань Цзюнь обитает далеко на Острове Яньлань, однако даже сам Ди Цзюнь вынужден оказывать ему знаки уважения. Неужто ты думаешь, что всё это лишь из-за его смазливой мордашки? Если бы мы ненароком оскорбили его, я и представить боюсь, какой «красивый» конец нас бы ждал!

Младший отрок полупонимающе кивнул. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что никого нет, он снова заговорил:

— Говорят, даже тот прославленный в боях Воинственный Божественный Чиновник добровольно склонил перед ним голову, слышал об этом? Его зовут Цин...

— Цыц! — не зная, какую именно дурную славу навлекает это имя, старший зажал брату рот ладонью еще до того, как было произнесено второе слово, и смерил его грозным взглядом: — Поищи-ка на небесах того, кто этого не знает! Совсем сдурел, разве можно разбрасываться этим именем!

Младший растерянно посмотрел на него и промолвил:

— А.

Воинственный Божественный Чиновник Цин Ин триста лет назад был низвергнут в Мир Людей проходить через череду перерождений. И хотя история эта не была новой, само имя по-прежнему оставалось под запретом.

Поэтому все предпочитали умалчивать о нем, однако мало кто знал истинную причину этого табу, а те, кто знал, не смели болтать попусту. Постепенно это имя и впрямь стало забываться.

Ходили слухи, что в юности этот Воинственный Божественный Чиновник неотступно следовал за Чуньшань Цзюнем и постоянно жил на Острове Яньлань. Позднее он пополнил ряды Воинственных Божественных Чиновников, присягнув Небесному миру.

Другие же утверждали, что его происхождение было особым, и дело вовсе не в том, что гордый молодой Воинственный Божественный Чиновник добровольно склонил голову перед Чуньшань Цзюнем. Скорее, если взглянуть на весь Небесный мир в целом, тех, кто преклонял колена перед Чуньшань Цзюнем, было немало, а вот людей, которых сам Чуньшань Цзюнь согласился бы оставить на Острове Яньлань, можно было пересчитать по пальцам.

Однако в тот момент, когда этого Воинственного Божественного Чиновника низвергали, Чуньшань Цзюнь так и не появился.

Тогда в просторном главном зале на коленях стоял молодой Воинственный Бог. С растрепанными волосами и опущенной головой, он не позволял разглядеть выражение своего лица. Из бессмертного он превращался в смертного, отправляясь на перерождение в Мир Людей, и от начала и до конца Чуньшань Цзюнь так и не появился.

Судя по всему, Цин Ин совершил столь непростительную ошибку, что даже Чуньшань Цзюнь был не в силах его спасти. Поразмыслив так, небожители перестали шуметь об этом, и постепенно всё стихло.

Младший испугался:

— Тогда с какой стати Чуньшань Цзюнь пожаловал сюда на этот раз?

Старший обернулся, глядя на пустую дорогу, где давным-давно скрылся тот силуэт. Внутри Императорского Дворца Божественного Управления по-прежнему пели птицы и благоухали цветы, а окружающие глазурованные черепицы отливали диковинным блеском. Это оживленное зрелище почему-то заставляло безо всякой причины покрыться испариной, и он спешно отвел взгляд, тихо отвечая на вопрос брата:

— Кто его знает? Нам лучше не соваться в это дело и больше не вспоминать о нем.

Младший отрок понял его лишь наполовину. Он никак не мог взять в толк, почему приход Чуньшань Цзюня на Собрание Бессмертных должен вызывать столь сильное волнение, но поскольку он всегда слушался брата и видел, что тот действительно напряжен, он решил больше не болтать лишнего.

В разгар того пиршества погода вдруг резко переменилась: на смену ясного и лучезарного дня неожиданно пришел порыв холодного ветра, за которым последовали кружащиеся хлопья белого снега — безмолвные и тихие.

Оба отрока стояли у входа и слышали, как с падением этого снега шумное пиршество внезапно затихло. Они невольно задержали дыхание, гадая, что же стряслось внутри Императорского Дворца Божественного Управления.

Одна снежинка упала на кончик носа младшего. Он уставился на нее, почему-то вспомнив Чуньшань Цзюня — такой же холодной и отрешенной была его осанка, будто ему не было дела ни до кого на свете, а до всех вещей вокруг — абсолютно все равно.

Вскоре они почувствовали, как окружающий воздух постепенно теплеет. Весенний ветер мгновенно смахнул царивший вокруг мрак, снег на миг замер в воздухе и внезапно бесследно исчез. Оставалось лишь гадать, был ли недавний снегопад сном или явью.

Они запомнили лишь то, что в тот день при уходе небожителей некоторые из них были пьяны, а лица других казались тяжелыми и омраченными. Юэ Лао шел с унылым выражением лица, напрочь игнорируя то, как они только что над ним подшутили, и оборачиваясь каждые три шага, словно разглядывая что-то неведомое.

А Чуньшань Цзюнь так и не вышел оттуда и больше не появлялся вновь.

Мир Людей (1)

Государство Ся, тридцатый год по императорскому летосчислению, конец весны.

Имперская столица. Монастырь Чанцю.

На рассвете монах, подметавший ступени у подножия горы, бегом поднимался по высоким ступеням. Его соломенные сандалии шлепали по голубым каменным плитам — шайки раздавались торопливо и легко. Добравшись на одном дыхании до входа в главный зал, он заметил, что внутри сородичи по обители как раз совершают утреннее чтение сутр, поэтому, проходя мимо, намеренно замедлил шаг. Дежуривший в галерее монах бросил на него взгляд, в ответ на который тот сложил ладони в жесте извинения за беспокойство и на цыпочках миновал главный зал. Сделав еще пару шагов, он оказался у покоев настоятеля.

Он шел к настоятелю, и молодой монах испытывал глубочайшее почтение: опустив голову и подняв руки, он стучал в дверь с искренней и благоговейной преданностью.

— Тук-тук.

Приоткрытая дверь почти ничему не препятствовала, и от малейшего толчка она со скрипом приотворилась еще шире. Из комнаты сочился слабый свет свечи — по всему было видно, что досточтимый настоятель одержим непрерывным ночным постижением буддийского учения. Если прикинуть время, досточтимый настоятель, должно быть, снова провел без сна всю ночь.

Тогда монах отнял руку от двери, опустил голову, не заглядывая внутрь, почтительно застыл на месте и тихо позвал:

— Настоятель-учитель?

И впрямь, не прошло и мгновения, как изнутри донеслись легкие шаги, и дверь распахнулась.

Монах поднял взгляд и увидел настоятеля Дао Иня: одной рукой тот поглаживал кончик своей длинной белой бороды, а другой перебирал четки. С мягким выражением лица он спросил:

— В чем дело?

Его ряса была безупречно аккуратной — он действительно еще не ложился спать.

Монах тут же ответил:

— Прибыл Генерал Янь.

Дао Инь издал протяжное оу, его длинные белые брови шевельнулись, и он тут же ответил:

— Зови скорее.

Монах кивнул и тут же удалился.

Вскоре Янь Линьчуань вместе с монахом подошел к дверям кельи.

Монах проводил его до места, сложил ладони крест-накрест и произнес:

— Генерал Янь, прошу вас, входите.

Пришедший отвесил поклон провожатому монаху. Тот неторопливо ответил на поклон взаимностью и, не задерживаясь больше, взял метку и продолжил подметать дорожки.

Янь Линьчуань остановился перед дверью кельи, и тут изнутри донесся голос Дао Иня:

— Генерал, оставьте лишние церемонии, входите же.

Услышав это, молодой генерал сперва опешил: рука, уже занесенная для стука, так и замерла в воздухе. Затем он сам рассмеялся снаружи и, недолго думая, толкнул дверь кельи.

Мастер Даоинь сидел в кресле перед квадратным столом, на котором стояла чашка с чаем. Поскольку рассвет еще не наступил и вокруг царил полумрак, половина свечи на столе догорала, то ярко вспыхивая, то затухая при каждом движении двери. На другом конце стола тлела сандаловая палочка, ее огонек внезапно вспыхнул ярче, и густые клубы дыма поплыли вокруг.

Сквозь эту неясную дымку Янь Линьчуань отвесил поклон:

— Настоятель.

— Присаживайся, — произнес Дао Инь, пододвигая к нему чашку с чаем и делая приглашающий жест.

Этот монах Дао Инь никогда не отличался особой изысканностью в заваривании чая: бросил несколько листочков, ополоснул их, заварил в чашке — вот и весь сказ, поистине простой чай.

Чай был свежезаваренным, и Янь Линьчуань сделал глоток: аромат все же чувствовался, а жажду утоляло отменно.

— Давно не виделись с генералом, как поживаете в последнее время?

— Неплохо, — ответил Янь Линьчуань.

— Монах услышал о мятеже племени ли лишь позднее, к тому моменту вы, должно быть, уже выступили в поход.

— Мм, ушел в начале осени. Проблем там особе не было, в этот раз вернулся быстро.

Несколько месяцев назад на южной границе подняло мятеж племя ли. И хотя ничего страшного не произошло, Император Ся не переставал тревожиться, особенно за южные рубежи — стоило там возникнуть хоть малейшему волнению, как он тут же отправлял Янь Линьчуаня во всем тщательно разобраться, и лишь тогда обретал душевный покой.

Походы и сражения на полях брани не имеют расписания или предвестников. Генерал Янь годами пропадал в кровавых схватках по всем краям света, и Дао Инь, находясь в монастыре, зачастую и сам не знал, когда Янь Линьчуань снова уходит. Но стоило тому вернуться, он непременно являлся в обитель и проводил здесь полдня.

Границы и поля сражений, где день напролет режут друг друга в кровавой бане, — всё равно что жалкое прозябание в аду, не говоря уже о месяцах, проведенных в седле. Насколько дерзким и буйным Янь Линьчуань был на войне, настолько же неуютно он чувствовал себя, возвращаясь в эту мирную пору. По словам монаха, на нем лежало слишком много зловещей ци убийств, и прийти в монастырь почитать буддийские сутры, чтобы успокоить душу, ему, безусловно, шло на пользу.

Они перекинулись пара слов о том о сём, после чего вновь воцарилась тишина. Янь Линьчуань молча попивал чай, а мастер Даоинь тоже не произносил ни звука, просто составляя ему компанию и размеренно ударяя в деревянную рыбку — удар за ударом отсчитывая время. Ни тот ни другой не заметили, как незаметно приблизился полдень.

Янь Линьчуань давным-давно осушил свою чашку и аккуратно опустил ее на стол. Дао Инь тут же умолк, прекратив стучать по деревянной рыбке.

— Благодарю вас, мастер, у меня еще есть дела в войске, нужно кое-что уладить.

Дао Инь тоже поднялся вслед за ним:

— Пропровожу генерала.

Они шли бок о бок. Людей в монастыре было немного, над головой раскинулась заслоняющая солнце зелества листвы, отсекая полуденный зной. Полевые травы слегка покачивались, и ветерок конца весны не приносил с собой почти никакого тепла.

Пройдя немного, Янь Линьчуань заговорил:

— Через несколько дней настанет день рождения Будды.

Дао Инь кивнул:

— В монастыре уже идут приготовления. Не будет ли в этот раз каких-то особых указаний?

— Пока нет, — ответил Янь Линьчуань. — Всё как обычно, через пару дней я зайду взглянуть.

За разговором они уже добрались до ворот — отсюда начиналась дорога вниз с горы.

Дао Инь остановился и отвесил поклон:

— Тогда вся надежда на генерала.

Янь Линьчуань проявил проворство, поспешно протянув руку, чтобы поддержать его, и произнес низким голосом:

— Что вы говорите, мастер, это младший доставляет вам хлопоты... Мой долг — следить за этим, мастеру не стоит излишне церемониться. Если возникнут срочные дела, просто отправьте мне весточку.

— Хорошо, хорошо, можете не беспокоиться, генерал.

Янь Линьчуань кивнул:

— Я пошел, мастер, возвращайтесь.

Дао Инь улыбнулся, и его белая борода задрожала:

— Доброго пути, генерал.

Не зря говорят: гора сильна не высотой, а славится своим монастырем Чанцю. Сюда нескончаемым потоком шли паломники и гости, так что даже пара чайных лавок у подножия горы процветала. От монастыря до подножия, от тишины святой обители до мирской суеты — проходило всего-то полчаса.

Янь Линьчуань являлся в монастырь в самом обычном наряде: на нем было длинное одеяние цвета воронова крыла, волосы забраны в хвост и скреплены простой нефритовой шпилькой. И даже при этом скрыть его благородную осанку было трудно. Прохожие видели его черные брови, сходящиеся к вискам, и глаза, в чьей непроглядной черноте таяли бесчисленные звезды: хорош-то он был хорош, но от него исходила какая-то невыносимая аура убийственной поступи, отчего люди не смели приближаться и лишь бросали на него боязливые взгляды со стороны, спешно отводя глаза при малейшем риске быть замеченными.

И лишь один человек полулежал, прислонившись к столику чайного ларца. Он с любопытством разглядывал приближающегося Янь Линьчуаня и, смертельно боясь, что тот его не заметит, расплылся в поистине распутной ухмылке:

— У этого молодого господина такой вид, будто на душе у него тяжесть. Не желаете утешения?

Окружающие считали Янь Линьчуаня человеком крайне опасным, а потому этот развалившийся у дороги мужчина, изрыгающий столь фривольные речи, вполне мог угодить в лапы собственной смерти.

Люди, промышлявшие торговлею у подножия буддийского монастыря, ничуть не прониклись святостью места и охотно предвкушали зрелище: они увидели, как мужчина в черном неспешно подошел к нему. Три секунды они смотрели друг другу в глаза, и чем наглее выглядел шутник, тем ослепительнее сияла его улыбка.

Какая жалость — такой видный юноша, роскошно одетый, а видать, умом тронулся. Иначе с чего бы ему так по-дурацки улыбаться встречному.

Однако тот самый грозный человек в черном не только не пустил в ход кулаки, но и вполне мирно кивнул:

— Можно, давай сменидим место.

— Без проблем, пару дней назад открылся новый трактир, думаю, тебе должно понравиться...

— выпалил наглец, быстро расправляя полы одежды и, под удивленными взглядами зевак, закинув руку на плечо человека в черном, зашагал рядом.

Толпа:???

Пройдя какое-то расстояние, Янь Линьчуань направился к стоявшей неподалеку почтовой станции, чтобы забрать своего коня. Утром он приехал верхом, но горная дорога была неудобной, поэтому коня обычно оставляли на постоялом дворе, поручая местным присмотреть за ним полдня.

К этому часу на дороге стало заметно больше прохожих, так что друзьям уже не пристало идти, закинув руки друг другу на плечи. Янь Линьчуань сохранял невозмутимость, а вот второй гуляка, судя по всему, вовсе не осмеливался выставлять свою истинную натуру напоказ перед лицом стольких людей.

Ведя коня за уздечку, Янь Линьчуань бросил на него косой взгляд, ощущая, что этот тип выглядит куда унылее его самого.

— Какая редкость. Неужто господин Сюй столкнулся с чем-то неразрешимым?

Сюй Циньшэн не стал возражать и выпалил с ходу:

— Самое неразрешимое — это когда тебя нет в имперской столице, и мне становится до одури скучно в одиночестве...

Янь Линьчуань приподнял руку и без церемоний оборвал его:

— Говори человеческим языком.

— Эх... результаты отбора гражданских чиновников уже оглашены, впереди остался лишь императорский экзамен во дворец. Священный сын Неба повелел в этом году провести экзамен раньше срока.

— Раньше срока?

Янь Линьчуань приостановился. Следовавший за ним конь, недовольно фыркнув из-за неожиданной остановки шедшего впереди человека, нетерпеливо забил копытом о землю.

<http://bllate.org/book/25899/3095331>